

Даля Трускиновская

Челобитная

Далия Трускиновская

Челобитная

Серия «Домовые»

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164887

Аннотация

«У всякого домового – своя придурь.

Есть такие, что хлеба не едят, им пирожок подавай, сыр, сливки. Есть противники молочной пищи. Есть любители начищать чугунные сковородки, которых под угрозой смерти не заставишь прикоснуться к сковородке с тефлоновым покрытием.

А вот у Тимофея Игнатьевича придурь была совсем прискорбная – он жениться не хотел...»

Далия Трускиновская

Челобитная

У всякого домового – своя придурь.

Есть такие, что хлеба не едят, им пирожок подавай, сыр, сливки. Есть противники молочной пищи. Есть любители начищать чугунные сковородки, которых под угрозой смерти не заставишь прикоснуться к сковородке с тефлоновым покрытием.

А вот у Тимофея Игнатьевича придурь была совсем прискорбная – он жениться не хотел.

Собственно, немало домовых так и живут старыми холостяками, не слишком от этого страдая. Но у них холостячество – или вынужденное, или какое-то случайное – скажем, выпал бедолага из поля зрения окрестных свах.

Некоторые подолгу не женятся от гордости – я, дескать, самое исправное хозяйство в городе веду, мне и супругу нужно под стать. Но и на них порой находится управа. Попадаются, хоть и очень редко, нытики, с которыми уважающей себя домовихе лучше не связываться. Попадаются склочники, которых все обходят за три версты. И те, и другие не прочь жениться, но ничего в себе менять не желают – так и остаются одиночками.

А Тимофей Игнатьевич испытывал дикое, невероятное предубеждение к законному браку. Ему почему-то казалось,

что лучше удавиться.

И сложилось же так, что, переехав с хозяевами на новое местожительство, он заполучил в соседи домового дедушку Ферапонта Киприановича с супругой Степанидой Прокопьевной и тремя дочками на выданье!

С девицами была та беда, что целых трое народилось, и родители не могли дать всем сразу достойного приданого. Поэтому, да еще потому, что дом на самой окраине, дальше – только лес и поля, свахи не часто заглядывали в семейство Ферапонта Киприановича. А что нужно всякой домовихе? Хорошо выйти замуж, в крепкое хозяйство.

Вот старшая, Маремьяна Ферапонтовна, и сообразила – такое добро зря пропадает!

Неопытная девка даже не задала себе вопроса: почему в таких почтенных годах Тимофей Игнатьевич все еще холост? Она как-то со старшими наведальась к нему в гости, оценила угощение, порядок в хозяйстве, разнообразные имущества домового, и поняла, что вот здесь бы охотно жила и младенцев плодила.

У домовых насчет девок строго, иной жених невесту впервые только за свадебным столом и увидит, и потому собственных любовных приворотов домовихи почитай что не имеют, а знают человеческие. Приходится порой хозяек выручать, ну так и застревают в памяти всякие приемчики. Маремьяна Ферапонтовна подольстилась к старым домовихам и неприметненько выведала тайные способы привлечения

мужского внимания.

Она и талой водой с серебра умывалась, и зазыв на печной дым делала (печки в доме не случилось, но у соседей завелся камин), и над сушеным яблоком колдовала. Уж что подействовало – теперь не понять, но как-то забежала она к Тимофею Игнатьевичу по хозяйственной надобности – да тут его и подбила на грех. Стали встречаться.

Маремьяна Ферапонтовна уже собиралась со свахой сговариваться, чтобы достойно завершить эту затею сватовством и свадьбой. Но обнаружилось, что она с прибылью. У домовых и так животики округлые, а если с прибылью – то словно мохнатые мячики.

Любопытно, что первым это обнаружил не имеющий, казалось бы, навыка в таких вещах Тимофей Игнатьевич. И до смерти перепугался.

Он клял и костерил тот день, когда позволил шустрой домовихе себя соблазнить. Он честно не понимал, что за дурь на него в тот страшный день накатила. Он представлял себе, как по такому неслыханному случаю домовые собирают сходку, как сходка принимает решение играть свадьбу, и в ужасе хватался за голову. Наконец он понял, что нужно бежать, куда глаза глядят.

Конечно же, ему было жаль своего идеального хозяйства с припасами, складами и тайниками. Но жениться он никак не мог. Делить с кем-то заботы, терпеть чье-то бестолковое присутствие... да еще младенец...

В общем, незадолго перед рассветом Тимофей Игнатьевич сгреб в мешок то, что могло бы пригодиться на первых порах в новом доме и у новых хозяев, и дал деру.

Он с перепугу решил искать прибежища вообще на другом конце города. Если по уму – можно было сговориться с кем-то из автомобильных и с пятью-шестью пересадками заехать хоть в Смирновку, хоть к Старой Пристани. Но Тимофей Игнатьевич с полным основанием боялся, что его выследят и принудят жениться. Автомобильные – они разговорчивые...

Поэтому беглец шел наугад довольно долго.

Он даже перебирался через железную дорогу, здраво рассудив, что это – все равно как в другую страну эмигрировать. Уж на что свахи любительницы шастать по разным местам, а ни одна не хвасталась, будто через рельсы перелезала.

Наконец он, несколько оголодав, с неухоженной шерсткой и стоптанными до копытной жесткости лапами, оказался на границе между старым и новым районами.

* * *

Если кто не знает – именно в новых районах завелся обычай устраивать в подъездах доски объявлений. Где-нибудь за паровым отоплением можно увидеть нарочно приспособленное место, где всякий пишет, чего ему в жизни требуется. Если хозяйство богатое и домовый дедушка сам не справля-

ется – ищет подручных, ванного или там холодильного. Бездомные домовые предлагают свои услуги. Бывает, кто-то по объявлению надежную сваху ищет или меняет клубок бечевки на комплект аккуратно снятых крышек от пивных бутылок. Уже оттуда повелось вешать объявления и в старых солидных домах.

Тимофей Игнатьевич высмотрел здание понадежнее и пошел искать себе удачи.

В подручные он идти не пожелал, годы не те, но по объявлениям сообразил, кто тут из домовых дедушек посолиднее будет, и направился к нему с подношениями.

– А как так вышло, что ты, Псой Архипович, без места оказался? – спросил почтенный Мартын Фомич.

Тимофей Игнатьевич, который довел конспирацию до такого безбожного дела, как отказ от имени, развел лапами.

– Хозяин мой помер, хозяйка следом ушла. Новые люди вселились, все по-своему делать стали, и я этого вынести не смог, – сообщил он. – Они сундук выбросили, а у меня там тайник был. Они кормить меня не желали, сухие корочки глодал. На прощание я им в буфете посуду перебил да и прочь подался.

Горестную эту историю он придумал заранее.

Хорошо, что Мартын Фомич не стал допытываться о подробностях. Он видел, что пришелец – домовый в годах, опытный, и по всем ухваткам – из хорошего житья, только от долгой дороги несколько зачах.

– Есть у меня квартира на примете, – сказал он. – Однокомнатная, правда, и живет там одна хозяйка. И домовой ей нужен – бабы говорили, она конфеты под кухонный стол подкидывала, заманивает, значит. Детей нет, суеты нет, работы, стало быть, у тебя будет немного. Обживешься, мы на тебя поглядим, может, и другое место придумаем.

Тимофей Игнатьевич от души поблагодарил и той же ночью забрался на новое местожительство.

Он знал, что ему следует показать себя перед местными домовыми деловитым, заботливым, толковым, понимающим хозяйские потребности. Безместного домового разве что в подручные не глядя могут взять, и то – предпочитают, чтобы с рекомендациями. А тут припелся незнамо откуда и тут же в домовые дедушки норовит... Придется потрудиться!

Хозяйка оказалась худенькая, страшненькая, и в первую же ночь после внедрения Тимофея Игнатьевича на новое местожительство два часа проревела в подушку. Новосел только под утро смог обследовать новое жилище и остался доволен – в стенном шкафу, в коробке с зимними сапогами на меху, он прямо в голенище устроил себе временное пристанище. Заодно шуганул зловредную моль. Но кто же станет постоянно жить в сапоге?

Тимофей Игнатьевич нашел целый пакет со всякими тряпочками и обрезочками, даже меховыми. Этого хватило бы на самое что ни на есть уютное гнездышко.

А лезвийце бритвы он со старой квартиры приволок в

мешке – так что наутро и взялся за работу.

Мартын Фомич заглянул к нему и остался очень доволен.

– Как сходка будет, я тебя всем представлю. Ты не стесняйся, хозяйка у тебя неопытная, не понимает, что домового не только конфетами кормить-поить нужно, так ты сам понемногу бери.

Тимофей Игнатьевич стал заводить свои порядки. Понаделал тайничков, все бесхозные ниточки и веревочки в клубочки смотал и впритык сложил, была у него такая страсть к аккуратным клубкам. Пузырек от лекарства с крышечкой припрятал, чтобы было куда чай или там молочко потихоньку отливать.

Занятно ему показалось, что у хозяйки на подоконнике столько всякой зелени. Тимофей Игнатьевич полез посмотреть, что там в горшках, и даже кое-какие съедобные травы обнаружил. Хозяйкина привычка читать в постели, закусывая книжку печеньем или чипсами, тоже ему понравилась – он сообразил, куда падают мелкие кусочки, и прибирал их в особую коробочку.

Вот только плохо было, что хозяйка все время ходила смурная, кому-то по телефону названивала, а без толку.

Домовые уважают, чтобы женский пол имел приятную округлость. Хорошая хозяйка всегда в теле. А хорошая – это такая, что и про домового помнит.

Поэтому Тимофей Игнатьевич даже задумываться стал – как бы свою тощую воблю хоть немножко подкормить.

Он уже кое с кем познакомился и знал, что у домового дедушка Анисима Клавдиевича супруга уж до того дородна – на нее глядя, вся молодежь облизывается. Прихватив кусочек рафинада для гостинца, Тимофей Игнатьевич отправился в гости.

– Тесто мять нужно, – посоветовала домовиха. – Мять в три часа ночи и приговаривать: как-де это тесто растет-поднимается, пышным становится, так-де и хозяйкина плоть бы росла, ровно на дрожжах. Погоди, вот будут в сорок седьмой квартире пироги печь, я соседку попрошу, она тебе клочок дрожжевого теста добудет.

– Век буду благодарен, – поклонился Тимофей Игнатьевич.

– Стало быть, не обижает хозяйка? – поинтересовалась домовиха.

– Конфеты и сахар дает, а вот хлеб и кефир сам беру.

– Ничего! Молодая, поумнеет!

И точно – в тот же вечер хозяйка поумнела. Она поставила у холодильника блюдце с молоком, а в молоко покрошила булочку.

Тимофей Игнатьевич даже умилился – это ж тюря! Не правильная, на квасу и с луком, но уж какая есть. Другой вопрос – есть ее нечем...

Сообразительный Тимофей Игнатьевич приспособил кусочек плотного картона и поужинал в полное свое удовольствие.

Домовые много не едят, хозяин даже не всегда понять может, угостился домовой, или только принюхивался. Хотя попадаются и обжоры. Тимофей Игнатьевич смолоду знал одного домового дедушку – так тот похвалялся, будто видел в детстве, как его сосед целый пирог с мясом умял, чуть ли не в половину своего роста.

На следующий день рядом встало еще одно блюдечко – с кусочком пиццы.

Тимофей Игнатьевич кусочки мяса и грибов выковырял, полакомился, остальное оставил, как есть.

Затем прибавилось третье блюдо, с овсяной кашей. И четвертое – с остатками омлета. И пятое, и шестое...

В конце концов кухня приобрела такой вид, будто в доме жила чрезвычайно требовательная и привередливая кошка, которой хозяева не знают, как и угодить.

А тут и сорок седьмая квартира наладилась пироги печь. Тимофей Игнатьевич разжился кусочком теста и в указанное время стал его мять с приговором, испытывая при этом чувство выполненного долга: вот ведь хозяйка стала его сытно кормить, а он ей добром оплатит – прибавит дородности.

Результат обнаружился чуть ли не на следующий день.

– Вы, гляжу, с прибылью, – сказал Тимофею Игнатьевичу домовый дедушка Мартын Фомич.

– Это как это – с прибылью? – перепугался Тимофей Игнатьевич. – Быть того не может!

– А ты приглядишься к хозяйке своей, приглядишься! – посо-

ветовал сосед.

– Еще не хватало – приглядываться...

– Ты же не срамное высматриваешь, а в добром деле убедиться желаешь.

– Да уж, доброе... мужа-то у нас и нет...

– Время такое – сперва детей заводят, потом женятся, – Мартын Фомич вздохнул. – Как бы наша молодежь этой заразы не нахваталась...

Тимофей Игнатьевич почувствовал, что под седеющей шерсткой весь прямо огнем взялся. Сам же он в эту заразу и впутался...

Но главной своей беды он еще не ведал.

Разговор с соседом был в среду, а в четверг хозяйка незадолго до полуночи, закончив приборку, встала посреди комнаты, трижды перекрестилась и трижды поклонилась углам. Тимофей Игнатьевич, рассчитывавший вместе с ней посмотреть телевизор, прямо окаменел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.